

Глава 1

Колумбия. Верховье реки Инириды

Врач затянул манжетку и принялся качать резиновую грушу. Августино Карлос почувствовал, как грубая ткань защемила его тонкую, легкоранимую кожу, и поморщился.

— Не надо, — сказал он.

Узколицый, с черной клиновидной бородкой врач качнул головой и послушно стянул манжетку. Затем он поднял с травы провонявший лекарствами чемоданчик, щелкнул замками и замер в позе слуги.

«Нет, это не врач, — подумал Августино. — Он смотрит на меня, как официант, и ждет, что я ему скажу».

А что мог сказать старый человек, сидящий в инвалидной коляске и чувствующий приближение смерти? Что очень устал? Что его знобит даже в сильную жару? Что он смотрит на суету окружающих его слуг, как на суету муравьев, которые строят свой муравейник на берегу реки и не догадываются о надвигающемся муссонном половодье?

Августино вяло махнул рукой и прикрыл глаза. Он не слышал, как врач удалился. Пора прекращать этот глупый ежедневный моцион. Смерть не остановишь. Смешно делать вид, будто он собирается жить вечно. Это раньше он был уверен, что деньги могут все, что они обладают безграничной властью и силой.

Он смотрел в прошлое и видел себя суетливым человеком почему-то с короткими ножками и огромным массивным носом. Таких обычно рисуют в мультфильмах. Земной шар — блестящий голубой мячик — медленно плывет в пустоте, а по нему бегает коротышка с большим носом...

Августино открыл глаза и потрянул головой. Это видение было невыносимо. Он посмотрел на свой роскошный белый особняк, фасад которого проглядывал сквозь ровный строй пальм, и вдруг с отчетливой ясностью понял, что он ему не принадлежит. Ни особняк, ни парк, ни оранже-

вый с белыми полосами самолет, ни целая армия охранников и обслуживающего персонала ему не принадлежали. Потому что он покидал этот мир и ничего не мог взять с собой. Мысль эта была настолько мучительной, что Августино тихо застонал и прикусил губу. Перед ним немедленно выросла фигура бронзоволицего слуги с подносом. На подносе стоял стакан с соком.

Вот так. Чувства лучше не проявлять. Эта свора вышколенных слуг реагировала на малейший звук. На их лицах было всегда одно и то же подобострастное выражение. Одна и та же маска. Все вокруг лживо. Они ждут его смерти. У них текут слюни в ожидании огромного пирога.

— Пошел вон, — тихо произнес Августино.

Слуга поклонился, будто почуял благодарность, и торопливо пошел по лужайке, которую окружали овальные, похожие на гигантские зеленые яйца кусты. Ничего человеческого. Робот. Неужели он не испытывает никаких чувств? Неужели ему не хочется грубо ответить: «Когда же ты отдашь богу душу, старая дряхлая сволочь? Когда же тебя черти окунут в кипящую смолу?»

Звонкий детский смех заставил Августино вскинуть голову и посмотреть на альпийскую горку, ошетилившуюся разнокалиберными кактусами и украшенную декоративным водопадом. По шлифованным камням прыгала пятилетняя Клементина, его единственная внучка и наследница. Она была в желтом хлопчатобумажном комбинезоне, разрисованном цветами и зайцами. Размахивая битой для гольфа, девочка пыталась ударить надувной шарик, на котором кто-то из нянек нарисовал смешную улыбающуюся физиономию.

Августино почувствовал, как защемило сердце. У него не было слов, какими он мог бы выразить свою любовь к девочке и всю глубину своей тоски. Он медленно уходил из этого мира, а она оставалась. Оставалась совершенно одна, в окружении жестоких и тупых людей, которые думали, что они вечны на земле и что деньги могут сделать все. Ее мать Валери погибла несколько лет назад на пароме «Пярну», когда перевозила из Эстонии в Швецию очередную партию кокаина. А отец Клементины...

Августино нахмурился, вялым движением рук поправил на коленях плед. Где сейчас этот бойкий русский па-

рень, который в то знойное лето смог пешком пройти через сельву, миновать несколько эшелонов охраны и ворваться в кабинет Августино? Чудак! Самоубийца! Как говорят русские, совершенно отвязанный человек. «Крейзи» на американском сленге. Августино столько лет враждовал с ним, что успел полюбить его, невзирая на бесконечную разницу между ними. Если бы этот парень был сейчас рядом, в числе самых преданных помощников, то Августино ушел бы в мир иной с чистой душой. Этому парню можно было бы отдать Клементину с ее колоссальным состоянием. А всей этой дьявольской фабрикой с плантациями коки и химическими лабораториями пусть давится свита лизоблюдов. Но самое ужасное заключалось в том, что этот парень находился не только на другом конце света...

Шарик плавно опустился на колени Августино. Старик взял его и осторожно приподнял, глядя на нарисованную улыбку. Его глаза повлажнели, а душа размякла, словно тесто. Так с ним случалось всегда, когда он прикасался к игрушкам и всяким другим предметам, согретым руками девочки.

Клементина кинула битую на траву, с размаху шлепнула ладонью по шарiku и присела у коляски.

— Гуно, — сказала она, на свой лад сократив его имя. — Почему ты опять грустный?

Она положила голову на колени старика и стала водить пальцем по замысловатому рисунку на пледе. Августино даже дышать перестал. Осторожно, будто боясь спугнуть редкой красоты птицу, он коснулся темных, блестящих на солнце волос девочки. Но она уже забыла про дедушку. Она увидела шарик, который увлек за собой легкий ветер, и вспомнила о своей игре.

«Они убьют ее, — подумал он с ужасом, глядя на то, как Клементина гоняет битой по газону шарик. — У меня нет другого выхода. Только он сможет уберечь ее...»

Эта мысль была навязчивой и не давала ему покоя уже несколько месяцев. Он опустил руки, взялся за гладкие хромированные ободья колес и не без усилий провернул их. С каждым днем ему становилось все тяжелее вращать колеса, и он с покорностью и даже с интересом наблюдал, как быстро силы покидают его. Теперь его вдруг обуял страх. Августино стиснул зубы и надавил на ободья с еще большей

силой. Он катился по лужайке, доказывая самому себе, что еще силен, что может передвигаться без посторонней помощи, что смерть не настолько близка, чтобы начать читать отходную молитву.

На его лбу выступили капли пота, сердце едва не выпрыгивало из груди, а он все крутил и крутил колеса, заставляя коляску резво катиться к дому. Клементина восприняла это как призыв к игре, оставила шарик и легко догнала коляску.

— Ага! — восторженно крикнула она. — Хочешь наперегонки?!

Она бежала впереди его, танцую и кружась. Августино видел только ее, и ему казалось, что он отстает, что девочка неумолимо отдалается. Тонкие колеса крутились все быстрее, трава шелестела на спицах, старик задыхался...

И тут одно колесо наехало на бордюр дорожки. Коляска подскочила и перевернулась. Августино упал на дорожку.

— Гуно, миленький! — с испугом крикнула Клементина и прижала ладони к щекам.

К нему уже бежали со всех сторон. Августино сделал попытку приподняться, но перед глазами все плыло и заливалось матовой пеленой.

Двое охранников, которые подбежали первыми, подняли легкого, почти невесомого Августино и посадили в коляску.

— Дедушка... — тихо поскуливала Клементина.

Ему было очень жалко ее. Он смотрел на ее слезы и начал головой. Он ненавидел себя за то, что невольно заставил внучку плакать. Врач уже бежал по газону вместе со своим чемоданчиком. Подлетев к Августино, он кинул на траву чемоданчик, открыл его и стал торопливо подворачивать рукава рубашки.

— Всем отойти! — крикнул он. — Положите его на траву и отойдите!

Он не разобрался, в чем была причина переполоха. Он решил, что Августино умирает, и мобилизовал все свое лицемерие.

— Ничего не надо, — тихо ответил Августино и протянул руки к Клементине. Девочка, напуганная суетой взрослых, всхлинула и несмело приблизилась к старику.

— Уйдите все. И позовите ко мне Мэнгри, — добавил Августино.

Сорокалетний негр Мэнгри, уволенный несколько лет назад из ВМС США за аморальную связь с подростком, руководил личной охраной Августино. Ожидая, пока он подойдет, старик взял Клементину за руку и посмотрел в ее необыкновенные для колумбийцев голубые глаза.

— Ты помнишь, я рассказывал тебе про твоего отца? — спросил он.

— Помню, — кивнула девочка и пальцами изобразила человечка, который шел по костлявой руке Августино. — Он храбрый и красивый. А волосы у него светлые, как у янки. Зато глаза мои! И живет он где-то далеко-далеко...

— Ты правда помнишь его лицо?

— Правда, Гуно. Я даже с закрытыми глазами его помню.

Фотография русского парня хранилась в большой книге сказок Андерсена, которую девочке по вечерам читала гувернантка из Лондона.

Августино почувствовал, как у него вдруг онемел язык. Маленький человечек, созданный пальчиками девочки, дошел до локтя Гуно и стал возвращаться обратно. Как спросить? А вдруг она не захочет с ним встречаться? Вдруг она испугается его?

— Гуно, какие у тебя волосатые руки! И мой человечек заблудился в сельве. Он не может пробиться через мангровые заросли...

«Господи! — подумал Августино. — Не дай этому ангелу узнать, сколько крови на этих руках и сколько денег через них прошло».

— Скажи, Клементина, — произнес Августино, убирая руки под плед. — А ты хотела бы увидеть своего отца?

— Хотела бы... — шепотом ответила девочка. Но она думала о другом. На обод колеса села перламутровая брасолида. — Бабочка! Забри!.. Ну что ты все время дрожишь! Ты ее испугал!

Августино отпустил Клементину. Девочка, уподобляясь бабочке, стала бегать по лужайке, кружась и размахивая руками. Кто для нее отец? Почти сказочный герой из книжки Андерсена, «храбрый и красивый». Поняла ли Клементина, что Августино спрашивал серьезно?

Подошел Мэнгри. В сравнении с бледным и немощным Августино негр казался свирепым чудовищем. Походка его была танцующей, тело плавало, как у угря, выброшенного на песок, — начальник охраны никогда не вытаскивал из ушей крохотные динамики и не выключал поясной плеер. Челюсть его безостановочно двигалась, белые зубы энергично месили жвачку.

— Слушаю, шеф, — сказал Мэнгри.

Августино минуту пристально смотрел на подвижные, словно ускользающие белки глаз. Эта бездумная грудка мышц станет главным молохом, когда начнется драка за власть. У Мэнгри, как у крокодила, напрочь отсутствовал рефлекс доброты. Если его хорошо кормить, он будет исправно убивать всех, кто не в состоянии кормить его еще лучше. Это была похожая на человека машина, запрограммированная на убийство. Когда-то Августино считал его одним из самых преданных своих людей.

— Скажи, Мэнгри, — произнес Августино. — Ты помнишь, как четыре года назад на виллу удалось пробраться одному ненормальному русскому?

— Я слышал об этой истории, шеф, — тотчас ответил Мэнгри. — К сожалению, в то время я был в Боготе, вербовал людей. Иначе он бы не пробрался.

— Ты можешь выяснить, кто из охранников дежурил тогда у моих дверей?

Мэнгри думал, танцуя.

— Его уже давно нет в охране, шеф. По-моему, он сейчас работает на плантациях.

— Найди его и приведи ко мне.

Мэнгри показал белые зубы и чавкнул.

— Если вы хотите его наказать, то лучше поручите это мне, — сказал он и опустил руку на револьвер, торчащий из поясной кобуры.

«Не припомню, чтобы когда-либо раньше Мэнгри давал мне советы», — подумал Августино, закрывая глаза ладонью, будто погружаясь в дремоту. Он услышал, как начальник охраны повернулся и, задев кустарник, неровным шагом пошел по дорожке.

Никто не должен был знать, что он задумал. Никто. Такова будет последняя воля Седого Волка, как называли его местные индейцы и золотоискатели.

К вечеру дневная жара спала, а воздух стал тягучим и влажным, как в бане. Но Августино любил это время суток больше всего. Ему было комфортно и дышалось легко. Узкоглазый массажист старательно разминал все еще упругие мышцы Августино, обильно смазывая свои ладони кремом. Августино лежал на топчане под сетчатым навесом с закрытыми глазами и чувствовал, как тело медленно оживает под руками китайца, как вконец обленившаяся жизнь радостно струится под кожей, подобно ручьям после ливня.

Гувернантка гуляла с Клементиной где-то неподалеку, и до слуха Августино временами доносился звонкий голос девочки. «Если бы я чаще слушал детский смех, — подумал Августино, — может быть, моя жизнь сложилась бы по-другому».

Он уже не сомневался в правильности своего решения. Но если бы год назад кто-нибудь стал убеждать Августино в необходимости вернуть девочку отцу, Августино только рассмеялся бы. Отдать свою единственную наследницу русскому авантюристу, помешанному на борьбе с наркотиками? Да лучше позволить удочерить Клементину брату Мэнгри, чернокожему пилоту Раю, который уже полгода добивается этого!

Китаец тонкой стружкой выпил ароматное масло на спину Августино. Старику стало щекотно, и он повел лопатками. «Во-первых, он ее отец, — думал он, будто мысленно убеждал кого-то. — А во-вторых...»

Именно это «во-вторых» было тайной Августино. Он оставлял Клементине баснословное состояние. Колоссальные суммы были легализованы на продаже каучука и кофе и лежали на счетах в европейских банках. Сотни миллионов долларов были завещаны Клементине и ее отцу.

Крепкие пальцы массажиста пробежались по позвоночнику. Августино почувствовал боль и локтем оттолкнул от себя китайца. Никому нельзя верить. Что на уме у этого человека с вечной улыбкой на лице? А вдруг он так же легко и виртуозно станет массировать шею Августино и неожиданно сожмет свои сильные пальцы?

Китаец помог Августино надеть белую льняную рубашку и усадил его в коляску. Вот так, теперь намного спокойнее. В коляске Августино чувствовал себя так, как раньше в бронированном автомобиле с «кольцом» в руке. Ему надо

быть очень осторожным. И поменьше доверять персоналу. Кто принимал на работу этого китайца? Кто его проверял? А какие у него рекомендации?

Августино увидел Мэнгри. Начальник охраны, раскачивая из стороны в сторону плечами, шел по красной дорожке, змейкой выходящей между клумб. За ним, припадая на левую ногу, торопился коренастый крепыш в черной майке без рукавов, покрытой белыми солевыми разводами. В его слегка сутулой фигуре еще можно было угадать недюжинную силу, но огрубевшее лицо выдавало чрезмерное пристрастие к алкоголю. Черные длинные волосы были схвачены на затылке легкомысленным красным шнурком. Привыкший к тяжелой работе в зарослях кожи, он чувствовал себя неуютно на постриженном газоне среди клумб и кустов и потому старался не отставать от негра. Тем не менее ни страха, ни подобострастия на его лице не было.

— Вот он, — сказал Мэнгри, остановившись перед коляской Августино, и подтолкнул хромого в спину.

— Что у тебя с ногой? — спросил Августино.

— Разрывная пуля, — улыбнувшись, ответил хромой. — Пятку оторвало к чертям собачьим. Кость стала на дюйм короче. Но это не мешает мне ходить и бегать.

— Как тебя зовут?

— Линчо, хозяин.

— Ты помнишь русского, который прорвался ко мне в кабинет?

Линчо скривил лицо, насупил брови и потербил косичку.

— Помню, хозяин. Он мне тогда еще зубы прикладом выбил.

И в подтверждение своих слов он оттянул нижнюю губу и приоткрыл рот.

— Ты смог бы его опознать?

— Конечно, хозяин! — заверил Линчо и посмотрел по сторонам, полагая, что сейчас из-за кустов появится русский, который когда-то выбил ему зубы.

Августино рассматривал блестящее от пота коричневое лицо Линчо. Конечно, он производит впечатление легкомысленного оболтуса, для которого существуют лишь две неоспоримые ценности: ром и женщины. Зато он добрый.

Работа на плантации охлаждает горячие головы. И это хорошо, что охлаждает. Не наломает дров в отличие от Мэнгри.

— Поедете в Россию, — сказал Августино. — И доставите этого русского сюда.

— Живого или мертвого, — сверкнув зубами, добавил Мэнгри.

Августино кинул на него жесткий взгляд. Волна ненависти накатила на сердце, и старик почувствовал, что ему не хватает воздуха. Этот труподел опять позволяет себе словоблудие! Его надо отогнать отвиллы, как пчелу от стакана с ликером. Он здесь слишком опасен.

— Живого! — произнес Августино. — Жи-во-го! И чтобы ни один волосок не упал с его головы!

Какой странный и неприятный взгляд у Мэнгри! Кажется, что на его лице черная маска и сквозь прорези белеют жесткие глаза. Как пытливо он смотрел на Августино, словно пытался прочесть его мысли. А эта вечная насмешка на его полных фиолетовых губах! Нет, он не может догадываться. Ни одна живая душа не посвящена в замыслы Августино.

— Ясно, хозяин, — ответил Мэнгри. Он поднимался с пятки на носки, сгибал поочередно колени, рисовал руками круги в воздухе. Непрерывающийся идиотский танец. — Ни один волосок...

— Старшим будет он, — сказал Августино, направив кривой палец на Линчо.

Вот теперь Мэнгри забыл про музыку. Он замер, с недоумением глядя на Августино.

— Что?! Вот этот...

— Да! — крикнул Августино и ударил рукой по подлокотнику.

— Ну, хозяин, вы...

— Как сказал, так будет! — снова оборвал его Августино.

По губам Мэнгри пробежала едва заметная усмешка. Он сплонул под ноги и, повернувшись, пошел напрямик по газону к особняку. Августино некоторое время смотрел ему вслед. Правильно ли он сделал, что нанес такой удар по самолюбию начальника охраны? Как бы то ни было, Августино не привык отказываться от своих слов. Будет так, как он сказал. Мэнгри надо разоружать, отбирая у него власть.

И делать это постепенно и постоянно. Иначе может прийти время, когда будет поздно что-либо предпринимать.

— Я дам тебе много денег, — произнес Августино, опустив голову на грудь. — Тебе помогут надежные люди. И не спускай глаз с Мэнгри. Этот русский мне нужен живым и невредимым.

— Я понял, хозяин, — ответил Линчо.

— Все, иди! — произнес Августино и вяло махнул рукой.

Вспышки гнева всегда отнимали у него много сил. Сейчас, когда его тело было налито свинцовой тяжестью, это было особенно заметно. Августино закрыл глаза. В сознании мельтешили цветные пятна. Он как наяву видел Клементину. Девочка бегала по краю пропасти. Легкий ветер гнал надувной шарик к краю обрыва. Девочка бежала за ним и смеялась... Августино поднес дрожащую руку ко лбу. Все люди одинаковы, как куклы. В голове опилки, в теле тряпки. В двадцать он думает, что будет жить вечно. В тридцать — что у него еще очень много времени, чтобы исправить ошибки молодости. В сорок он воспринимает себя гранитным монолитом, который никому не сломать и не скинуть с пьедестала. А потом он просто закрывает глаза, чтобы не портить настроение очевидным. И лишь к старости начинает думать о боге и ужасаться, каким глупым был и что вся жизнь — одна большая ошибка... Но у него еще есть время! Он сделает то, что задумал. У него хватит на это и сил, и воли. И сил, и воли...

Августино дернулся, словно хотел разорвать бумажную обертку, в которую его завернули, и попытался встать с коляски... Он может! Он еще на многое способен!

Глава 2

Две недели спустя. Юг России

— Пора, — сказал Ваха. — Уже темнеет.

— Это из-за дождя, — ответил Алхаз, вынул из пакета банан и зубами принялся сдирать с него шкурку. — Зачем мочнуть?

По зонтам кафе в самом деле струились потоки воды. Раскатисто прогремел гром. Потянуло сыростью и свежестью. Продавщица вышла из-за стойки и включила настольную лампу.

Они уже третий час сидели за крайним столиком пустого кафе, беспрерывно курили, давили окурки остроносими ботинками и пили чай из мутных стаканов. Красная скатерть была обсыпана пеплом и мелко порванной оберткой от сигарет, но уборщица скучала под зонтом, опершись на швабру, и к ним не подходила. Черная кошка дремала под стулом уборщицы и, щурясь, смотрела, как на асфальте пузырятся тяжелые дождевые капли. Со смехом в кафе забежали две девушки, придерживая на головах продуктовые пакеты. Они были веселы оттого, что попали под дождь. Ваха посмотрел на их загорелые, забрызганные ноги и по привычке позвал:

— Девушки! Де-ву-шки! Шампанского не хотите?

Алхаз знал, что эти приезжие блондинки подойдут к ним только под угрозой смерти, а на шампанское у Вахи нет денег. Аванс, полученный утром, они потратили на газовый пистолет и на справочную, чтобы узнать домашний адрес и место работы Кирилла Вацуры. Тем не менее Алхаз с деловым видом сплонул под ноги и строго сказал:

— Сначала дело, а потом отдыхать.

«Дело», которое им предложил хромой иностранец (то ли китаец, то ли монгол), было весьма выгодным. Полгода торговли на рынке принесли бы им намного меньше денег. А тут всего за несколько часов — целое состояние. Иностранец русским совсем не владел. Они встретились на рынке. Он медленно бродил вдоль торговых рядов, где продавали черешню и незрелые абрикосы, и сверкал во все стороны черными стеклами очков. Алхаз предложил ему купить гнилой ананас, а Ваха попытался всучить черные бананы, убеждая, что это особый бразильский сорт. Иностранец товаром не заинтересовался, но, услышав из уст Вахи слово «бразильский», остановился у прилавка и минуту пристально рассматривал лица обоих продавцов. Потом он вынул из нагрудного кармана своей кроваво-красной рубашки бумажник, достал оттуда сто долларов, положил купюру на чашу весов и придавил ее гирькой.

Они сразу догадались, что хромой платит им вовсе не за

ананас и «бразильские» бананы. Свалив свой товар в ящик с раздавленными помидорами, в котором ковырялись бомжи, они пошли следом за иностранцем. Хромой, не оглядываясь, быстро пересек рыночную площадь, ловко лавируя между старушками, торгующими зеленью, цветами и котятками, зашел в провонявший мочой сквер и сел на скамейку. Когда Ваха и Алхаз сели с ним рядом, иностранец вынул из кармана лист бумаги, на котором кривыми печатными буквами было написано: «Я хочу, что Вы закончились ко мне этот человек. Я заплачу к Вам 10 000 доллар».

Ваха не очень хорошо знал русский и потому фразу «закончились ко мне этот человек» понял как «прикончили этого человека и труп принесли мне». Сначала в его душе вспыхнули негодование и возмущение, которые неожиданно сменились обидой из-за слишком маленькой суммы.

Ваха передал записку Алхазу. Тот долго читал ее, выпускал на нее дым сигареты и морщил лоб. Потом записку снова читал Ваха и думал о том, что неплохо бы вытянуть у хромого двадцать тысяч баксов, при этом никого не убивать, а принести ему освежеванную тушу барана. Оба продавца встали со скамейки, сели на корточки и стали глубокомысленно плевать себе под ноги. В такой позе они пробыли достаточно долгое время, после чего более смывленный и умудренный жизнью Алхаз сквозь зубы спросил у Вахи:

— Чего он хочет? Ты понял?

— Прикончить кого-то, — предположил Ваха, в очередной раз сплевывая под ноги.

— Дело серьезное, — без энтузиазма произнес Алхаз. — Надо подумать...

Иностранец крутил головой, глядя то на одного, то на другого. Ваха вообразил, как он будет нести чей-то труп по многолюдным улицам, где всегда кишит милиция, и ему стало не по себе. Даже без всякого трупа его раз пять за день останавливал милиционер, проверял документы и заставлял выворачивать карманы.

— Убить кого-то надо, да? — с деловым видом уточнил Алхаз у иностранца, вытряхивая из пачки новую сигарету.

— Уот? — не понял иностранец и вытянул голову вперед.

— Вот же морда нерусская, — вполголоса выругался

Алхаз и, схватив себя за горло, сделал страшное лицо и вывалил язык.

Тут до иностранца дошло. Он вскочил со скамейки, посмотрел по сторонам и, склонившись над продавцами, очень выразительно произнес:

— Ноу! Ноу!

— А чего тогда он от нас хочет? — пожал плечами Ваха.

Хромой вытянул из заднего кармана брюк тонкий словарь, полистал, ткнул пальцем в строчку и поднес словарь к глазам Алхаза.

— «А-ли-ве», — по слогам прочитал Алхаз английское слово. — Живой, бодрый. Ты понял? Ему надо, чтобы мы доставили к нему живого и бодрого.

Ваха хлопнул себя по лбу. Теперь и до него дошло, что хотел от них иностранец.

Глава 3

В том же городе. Тренажерный зал спортклуба «Гладиатор»

Лежа на гимнастической скамейке, Кирилл отжимал от груди штангу. Фрол страховал его, едва касаясь грифа ладонями.

— Хватит, — произнес он. — А то пукнешь.

Кирилл сделал страшное лицо, оскалил зубы и с воплем спаривающегося бегемота выжал штангу восьмой раз.

— Знаешь, — сказал Фрол, внимательно рассматривая его лицо, — сейчас ты очень похож на Камиллу де Сераньо, когда она рожала седьмого однойцевого близнеца.

Кирилл сдался и поставил грифы на стойки.

— Кинь полотенце, — попросил он, садясь на скамейку верхом.

— Похвально, — сказал Фрол, опустив свою мозолистую ладонь ему на плечо. — Но во всем нужно знать меру. В спорте, в водке, в женщинах...

В зале стемнело. По подоконнику застучали капли до-

жда. Кирилл вытирал полотенцем мокрое лицо и шею и поглядывал на часы. Было уже четверть шестого. Он взял мобильник и стал набирать номер своего офиса. Пальцы от напряжения дрожали, и он пару раз ошибочно набрал не тот номер.

— Скажи честно, — произнес Фрол, растирая в ладонях магнезию. — Ты с женщиной тоже так, как со штангой?

Кириллу ответила секретарша. Он спросил у нее, пришло ли подтверждение на поставку литых дисков и зимней резины для «Рено». Затем добавил, что сегодня в офисе больше не появится, и отключил трубку.

Фрол, сделав два подхода к штанге, отдыхал у раскрытой форточки, из которой в зал вливался влажный, пахнущий свежей зеленью воздух. Зал располагался в подвале, и через маленькое квадратное окошко можно было увидеть лишь ближний край тротуара, бордюр и загорелые ноги курортников. Но сейчас, когда лил теплый дождь, на пятачке у фонтана было бесплодно и ничьи ноги не дополняли пейзаж. Дождевые капли пузырились на асфальте, разглаживая сорванные порывистым ветром листья платана. В лужах отражались темные пики кипарисов и красные зонтики открытого кафе, за столиком которого неподвижно сидели два небритых мужика в черных куртках.

— Цивилизация создает лишь иллюзию комфорта и свободы, — сказал Фрол, задумчиво глядя в окно. — На самом деле все эти блага делают нас рабами вещей. Без мобильного телефона я чувствую себя по-настоящему свободным... Странные типы. Они уже целый час сидят с одной бутылкой пепси-колы.

Они сделали еще по два подхода к штанге. Майка на груди у Кирилла потемнела от пота. Фрол с наслаждением приложился к бутылке с минералкой. На улице посветлело. Солнце пробилось сквозь матовые тучи, и над мокрым асфальтом заструился пар. В оконном проеме появились ноги. Жизнь на побережье снова забурлила.

— Мне пора, — сказал Фрол. — Искушаюсь и поеду к Таньке. Хочешь со мной? У Таньки подруга — глаз не оторвать!

— Надо еще бицепс нагрузить, — ответил Кирилл, кивнув на гантели. — Три подхода.

Но Кирилл вовсе не собирался потеть под гантелями.

Наступил тот редкий вечер в конце рабочей недели, когда ему не хотелось ни шумной компании, ни любовных приключений. Просто приехать домой, вынести на балкон кресло, взять исторический роман и, потягивая пиво, отдыхать от суеты.

— Во всем нужно знать меру, — напомнил Фрол, подняв указательный палец.

Фрол ушел, и Кирилл сразу же встал под душ. Не успел он намылить голову, как над входной дверью раздался звонок. В клубе больше никого не было, и Кириллу пришлось выскакивать мокрым, обернувшись полотенцем.

«Наверное, Фрол что-то забыл», — подумал Кирилл, сдвигая тяжелый засов. Металлическая дверь со скрипом отошла в сторону, и Кирилл увидел невысокого мужчину в черной куртке и чрезмерно широких черных брюках, которые висели на нем, как длинная юбка, схваченная между ног.

— Добрый вечер! — сказал мужчина и вытер нос. — Я электрик. Жильцы сверху жалуются, что проводкой пахнет. У вас все в порядке?

Электрик так электрик. Правда, Кирилл его раньше не видел, но спортивный зал — не секретный объект, куда незнакомым людям вход заказан. Он пожал плечами, обернулся, посмотрел на металлические джунгли тренажеров и потянул носом воздух.

— Вроде не пахнет...

— Можно посмотреть?

— Ради бога, — кивнул Кирилл и направился в душевую. — Захлопни только, когда уходить будешь.

Он снова встал под тугие струи душа. Они щекотали и массировали его тело. Он двигался, подставляя то грудь, то спину. Потом закрутил вентиль теплой воды. Казалось, его тело пронзили тысячи ледяных иголок. Сердце замерло, дыхание остановилось... Он зажмурил глаза, испытывая настоящий восторг от ощущения чистоты и легкости.

Потом он на ощупь закрыл кран, отжал волосы, запрокинув голову вверх, а когда открыл глаза, то увидел, что «электрик» стоит в дверях и целится ему в грудь газовым пистолетом.

— Ты чего? — спросил Кирилл, еще не в состоянии воспринимать происходящее серьезно. — Помыться хочешь?

— Стоять! — злобно выкрикнул «электрик». — Шевельнешься — убью!

— Стою, — пожал плечами Кирилл. — Полотенце взять можно?

— Подождешь!

Кирилл совсем не испугался этого небритого человека. От него не исходило настоящей угрозы. «Это или розыгрыш, — подумал он, — или какой-то психопат с газовым пистолетом». Грабить спортзал — значит, зарабатывать грыжу и геморрой. А если не грабить, то что еще здесь можно делать с пистолетом?

Мужчина, не опуская пистолета, потянулся к брюкам Кирилла, помял их пальцами, проверяя, есть ли что в карманах. Потом проверил карманы рубашки. Вытащил автомобильные права, посмотрел на фотографию, на фамилию и вернул их на место.

— Можешь одеваться!

— Ты скажи спокойно, что тебе нужно, — сказал Кирилл, садясь на скамейку и вытирая голову полотенцем. — Может, я тебе помогу. Денег хочешь?

— Молчать! — крикнул мужчина и попятился. — Дырку в башке проделаю, понял? Рот закрыть и делать то, что я говорю.

Есть такая категория людей — они могут произносить самые страшные ругательства и при этом не вызывать страха даже у ребенка. Этот, с пистолетом, принадлежал к их числу. Застегивая пуговицы рубашки, Кирилл пытался отгадать, чего добивается этот тщедушный мужик в стоптанных туфлях. От денег вроде отказался. Проверил права. Хочет угнать машину? Но ему проще было бы взять ключи и, пока Кирилл не одет, бегом на улицу. Точно, больной какой-то!

— Выходим! — срывающимся голосом крикнул мужчина, продолжая пятиться. От пара ему стало жарко. Лицо его вспотело, по лбу, как по оконному стеклу, заструились капли.

Кирилл закинул на спину сумку и пошел к выходу. Можно было представить, как развеселился бы Фрол, если бы увидел этого налетчика.

Кирилл погасил свет, вышел из зала и стал подниматься по лестнице.

— Дверь за собой захлопни, — напомнил он.

— Заткнись! — отозвался из-за спины «электрик», но просьбу все-таки выполнил.

Они поднимались по лестнице. «Тут ему ребра переломать или еще немного подождать?» — думал Кирилл.

— Слушай меня! — негромко сказал «электрик». — Как только выйдем на улицу, сразу свернешь налево и пойдешь вниз по улице. Не останавливайся и не оглядывайся. Дернешься — стреляю без предупреждения!

Кирилл пытался вспомнить, что находится слева по улице. Кажется, какой-то тупик, где вечно пахнет столовой. Ну да, там двор ресторана, обитель беспризорных котов и крыс. Еще ниже — забор, за ним сквер. Место достаточно глухое. Но, во всяком случае, не глуше, чем пустой спортзал, расположенный в подвальном помещении. Если этот «электрик» психически больной и желает насладиться стрельбой по мускулистому мужчине, то это проще было бы сделать в спортзале.

Они вышли из подъезда. Кирилл на мгновение остановился, посмотрел по сторонам. Переулок был пуст. Напротив стоял его джип. Из подворотни, которая вела в ресторанный двор, торчал грязно-желтый передок «жигуля».

— Идем к «жигулю», — тихо сказал «электрик».

Так он хочет посадить Кирилла в машину! Завизжал стартер. «Жигуль» завелся, тронулся с места и, вырвав на дорогу, медленно поехал навстречу. Кирилл перекинул лямку сумки на другое плечо, освободив правую руку. Конечно, этот тип может выстрелить. Но чем ближе машина, тем больше внимания он будет сосредоточивать на ней. Значит, как только она поравняется...

«Жигуль» медленно приближался. Сквозь грязные стекла трудно было рассмотреть лицо водителя. Номер будто нарочно заляпан грязью. Капот поцарапан, словно его обрабатывали рубанком. На крыше — ржавый багажник с обрывками веревок... Водитель на ходу распахнул обе боковые дверцы. Машина стала похожа на распустившую плавники большую старую рыбу.

— Сейчас ты сядешь на заднее сиденье, — сказал «электрик».

Расстояние быстро сокращалось. «Жигуль» принял правее, едва не касаясь колесами бордюра. Кирилл остановил-

ся. Машина зашелестела тормозами. Теперь лицо водителя хорошо видно. Такой же небритый. Черные жесткие волосы. На висках — седина.

— Садись! — крикнул «электрик».

Кирилл круто развернулся, вкладывая в кулак свой вес. Удар пришелся в щетинистый подбородок. Взмахнув руками, «электрик» спиной повалился на переднее сиденье. Еще удар ногой по дверце! Она бы захлопнулась, если бы не ноги «электрика». Тот взвыл от боли и подтянул к себе колени. Водитель, спасая своего сообщника от третьего удара, надавил на педаль газа. Мотор взревел, и машина, хлопая обеими дверцами, помчалась вверх по улице.

«Знать бы, что все это значило», — подумал Кирилл, провожая взглядом удаляющийся «жигуль».

Глава 4

Тот же город. Гостиница «Мерилин»

— Когда мы вернемся, я сделаю из тебя отбивную, — вяло пригрозил Мэнгри.

Линчо шумно отхлебывал из чашки кофе и делал вид, что не слышит Мэнгри. Этого верзилу лучше не выводить из себя. В номере, где они поселились, Мэнгри уже сломал стул, швырнув его в стену. Пришлось заплатить. Конечно, двадцать долларов — это мелочь в сравнении с той суммой, которую Августино Карлос выдал Линчо с кредитной карточкой. И все же впредь не стоит допускать непредвиденные расходы. Кто знает, сколько им придется тут торчать. Самые крупные расходы еще впереди, а деньги тают, как лед в бокале.

— Нет, — возразил сам себе Мэнгри, наматывая на черный палец соломинку от коктейля. — Я оторву тебе голову и брошу ее беспризорным мальчишкам, чтобы они поиграли ею в футбол. А тело скормлю кайманам.

Кофе в чашке давно кончился, но Линчо продолжал делать вид, что все еще пьет. Он будто хотел спрятаться за чашкой. От ошибок никто не застрахован. Но Мэнгри бе-

сится оттого, что Августино назначил старшим Линчо, а не его. Какой позор для начальника охраны — подчиняться рабочему с плантации. Но если сам Августино доверяет Линчо больше, чем начальнику охраны, значит, Линчо — личность! Линчо — супермен!

— Они привезут его завтра, — сказал Линчо, но не слишком убедительно.

— Они должны были привезти его вчера! — рявкнул Мэнгри. — Ты остолоп и тупица и доверился таким же остолопам и тупицам!

Вчера в обусловленное время Линчо встретился с двумя торговцами. Как только он увидел лицо одного из них, то все понял и без слов. Они попросили еще два дня и еще пятьсот долларов на непредвиденные расходы. С первого раза не справились. А Линчо был уверен, что в России людей крадут на каждом углу, и те, кто торгует на рынке, могут сделать это с той же легкостью, с какой сплавить покупателю гнилые бананы. Ничего страшного. С первого раза не получилось — получится со второго. Время еще терпит.

Линчо наконец опустил чашку. Мэнгри выдохся и принялся молча раскуривать сигару. Он тоже хорош. Они приехали в Россию под видом представителей «Гринписа», занимающихся проблемами выживания морских животных, занесенных в Красную книгу. А что такое «Гринпис»? Экология, а значит — чистота. Об этом следовало помнить каждую минуту. А вчера вечером Мэнгри заказал ужин в номер, сел на балконе, выпил шесть бутылок пива, обглодал две курицы, завернул объедки вместе с тарелками в скатерть и вышвырнул с балкона. К несчастью, под балконом оказался дворник, который поливал газон. Мешок свалился ему на голову, комбинезон выпачкался в жгучем кетчупе. Дворник поднял скандал. Пришлось дать ему денег, чтобы уладить конфликт. Дальше — хуже. На теннисной площадке Мэнгри прицепился к двум юношам. Те обозвали его каким-то странным словом, похожим на распространенное испанское имя, но этого слова не оказалось даже в электронном словаре. Мэнгри, полагая, что юноши пошли на контакт, возразил, что его зовут вовсе не Педро, но те вдруг пригрозили полицией. Линчо, который боялся полиции на генетическом уровне, схватил Мэнгри за руку и уволок его в номер.

Сейчас Мэнгри был трезвым и злым. Он пытался взять реванш, поставить Линчо на свое место. Но Линчо — старый солдат. Ему приказали, и он вторую ногу позволит укоротить, а приказ выполнит. Почти всю жизнь он проработал в сельве. Сначала служил в правительственной армии, выжигал лес и охотился на наркоделов. Потом перешел на другую сторону баррикады и стал служить у Августино Карлоса. На первых порах в личной охране, а как покалечился — перешел на плантации. Думал, что так и умрет под зарослями коки с мачете в руке. Но пути господни неисповедимы. Августино поручил ему особо важное задание и приставил к нему Мэнгри. Такой шанс случается раз в жизни, и теперь Линчо должен из кожи вон вылезть, но задание выполнить.

— Ребята, привет!

Линчо вздрогнул и поднял голову. Он все еще не мог привыкнуть к тому, что здесь, в России, кто-то еще, кроме Мэнгри, может говорить по-испански, причем с прекрасным колумбийским акцентом. У стола стояла переводчица и гидесса Юля, которую они наняли в адлерском аэропорту в агентстве «Альфатур». Высокая, спортивная, пронзительная блондинка, затянутая в лазурный джинсовый костюм, она при каждом появлении временно лишала Линчо дара речи. Мэнгри в отличие от компаньона оставался равнодушен к девушке и даже немного тяготился ее обществом, нейтрализуя эмоции Линчо.

— Все в порядке, — сказала Юля, снимая с плеч маленький рюкзачок и опуская его на стол. — Я связалась с Институтом ихтиофауны, и мне пообещали выловить для вас двух годовалых самочек. Осталось только получить разрешение на вывоз в представительстве Союза охраны природы... Я ужасно хочу ледяного пива!

Она отошла к стойке. Мэнгри, посасывая сигару, буркнул, едва пошевелив губами:

— Рот закрой! Она уже договорилась о самочках, причем годовалых. Скажи ей, что нам это не подходит.

— Какая разница? — спросил Линчо, выворачивая шею. Со спины Юля была не менее обворожительна.

— А такая, идиот, — ответил Мэнгри, продолжая окутывать себя дымом, и попытался ударить ногой по ноге Линчо. Он промахнулся и попал по столу. Звякнули бокалы.

Юля обернулась и помахала своим подопечным рукой. — Годовалые слишком маленькие в длину, — продолжал цедить сквозь зубы Мэнгри. — К тому же это самочки. А наш клиент — самец!

Линчо не видел никаких проблем в том, что ихтиологи выловят самочек. Мэнгри просто хочет казаться умным. Он все время внушает Линчо, что тот полный кретин. Должно быть, спит и видит, как Линчо заваливает все дело.

Юля вернулась, поставила запотевший бокал с пивом на стол и села рядом с Мэнгри.

— Значит, так, — сказала она, раскрывая записную книжку. — В институт надо заплатить две тысячи долларов в качестве аванса...

Линчо понял, что не может сосредоточиться. Он смотрел на профиль девушки и судорожно сглатывал. Так нельзя. Он должен взять себя в руки. Мэнгри только и ждет, что Линчо допустит какую-нибудь ошибку. Подумаешь, смазливая девчонка. Если сравнить ее с амазонками, то Юля слишком худенькая, а ее кожа очень бледная.

— Кроме того, — продолжала Юля, очерчивая что-то в записной книжке, — этот же институт предлагает услуги по перевозке животных. Они фрахтуют самолет со специальным салоном и ванной. Но о самолете надо позаботиться уже сейчас.

Девушка вопросительно посмотрела на Мэнгри. Она вполне обоснованно считала негра главным. Мэнгри усмехнулся, пожал плечами, словно был глухонемым и ничего не понимал, и кивнул на Линчо.

— Алло, сэр! — весело произнесла Юля и постучала карандашом по руке индейца.

Линчо вздрогнул, словно проснулся. Глаза его приобрели осмысленное выражение.

— Если вы собираетесь вылетать девятого, то самолет надо заказывать уже сейчас, — повторила Юля и снова склонилась над записной книжкой. — Тридцать тысяч долларов. Я выяснила, где можно обналчить деньги с вашей кредитной карточки...

— Нет, — покрутил головой Линчо, отгоняя навязчивые мысли о Юле. — До девятого мы не успеем его выловить.

Мэнгри поперхнулся сигарой. Юля с недоумением посмотрела на Линчо и закрыла записную книжку.

— Кого — его?

— В самом деле, — язвительно усмехаясь, произнес Мэнгри. — Кого ты имел в виду?

Линчо почувствовал, как запылило его лицо. Был бы он таким же белым, как Юля, — неминуемо покраснел бы. Надо же, проговорился! Как назло, Юля прекрасно владела испанским, и ей не скажешь, что она неправильно поняла его слова.

— Я хотел сказать, — произнес Линчо, прилепляя на лоб салфетку, — что они не успеют выловить дельфинов. А не поесть ли нам мороженого? Я никак не привыкну к вашей жаре.

— Сегодня всего двадцать два, — сказала Юля. — Разве в Колумбии прохладнее?

— Прохладнее, — мрачным голосом ответил Мэнгри. — Всего сорок в тени.

Юля рассмеялась. Эти чудаковатые мужики из «Гринписа» ей нравились.

Глава 5

Торговые ряды на рынке

Алхаз с опаской держал в руке маленький аэрозольный баллончик, очень похожий на дезодорант. Он внимательно рассматривал его со всех сторон.

— А точно сработает?

— Голову на отсечение даю, — небрежно ответил седой грузный мужчина, вытирая платком высокие залысины. — Не понравится — вернешь, я отдам деньги.

Они сидели в закрытом наглухо фургоне, наполовину заставленном ящиками с помидорами. Свет проникал через маленькое мутное окошко. Было очень душно. Раскаленный на солнце фургон напоминал большую микроволновую печь.

— Если не понравится, то будет уже поздно, — с со-

мнением произнес Алхаз и, надеясь на поддержку, посмотрел на Ваху. Тот, прижимая платок к глазу, пожал плечами.

— Главное, подойти поближе. И струю прямо в нос. Быка свалит, — заверял седой.

— Нам как раз на быка и надо, — ответил Алхаз и попытался сбросить цену: — Много просишь.

Хозяин баллончика прервал:

— За эту штуку я десять лет тюрьмы получить могу. Бери, пока я не передумал.

— А почему здесь ничего не написано? — придирился Алхаз.

— Слушай, — поморщился толстяк, — какие ты надписи хочешь? Что это очень удобно использовать для похищения людей?

— Тише! Тише! — в один голос зашипели Алхаз и Ваха и замахали на толстяка руками. Тот пожал плечами, взял из ящика помидор, поплевал на него, вытер о рукав и надкусил. Сок брызнул во все стороны.

— Ирландские террористы производят, — сказал он со знанием дела, прикрыв глаза мохнатыми ресницами. — На секретной фабрике в Лондоне. Новейшая технология. Сто долларов — это, можно сказать, бесплатно. Подарок.

Алхаз махнул рукой и полез за деньгами.

Спустя час у элитного дома на набережной остановился старый военный «УАЗ», на борту которого свежей краской был нарисован красный крест. Из машины вышли Алхаз и Ваха в темных очках. Оба были в белых халатах и белых шапочках. Обойдя машину, они открыли задние створки, выволокли оттуда носилки и решительно направились к двери подъезда.

Залитый горячим солнцем двор, еще минуту назад наполненный детскими голосами, онемел. Две старушки, сидящие на скамейке у подъезда, молча перекрестились. Ваха почувствовал, что у него начинают дрожать колени. Капли пота, стекая из-под шапочки на лоб, принялись заползать на стекла очков. Белая фигура Алхаза двоилась и плыла.

Они вошли в прохладный подъезд, но путь им преградила вторая дверь, запертая на домофон. Не успел Алхаз прикоснуться к ручке, как из маленького зарешеченного окошка раздался грозный старушечий голос:

— Кто такие?

— «Скорая помощь», — ответил Алхаз.

Щелкнул электрический замок, дверь открылась. Ваха подумал, что если бы он не держался за носилки, то вряд ли нашел бы в себе силы переступить порог. Они вошли в холл, украшенный цветами и ковровыми дорожками. Крепкая старушка с фиолетовыми волосами, облаченная в спортивный костюм и кроссовки, тотчас встала на их пути.

— Стоять! — приказала она, подбоченив руки. — Какая квартира?

— Сто девяносто девять, — ответил Алхаз.

От такого властного голоса Вахе захотелось поднять руки. Какая страшная бабушка! А как пристально она вглядывается в лица! Не глаза, а лазеры.

— А что случилось? — допытывалась консержка.

— Человеку плохо стало.

— А почему вы в очках?

— Офтальмологи, — объяснил Алхаз и потянул за собой Ваху.

Ваха подошел к лифту на ватных ногах. Он чувствовал взгляд свирепой бабушки на своей спине. Ему казалось, что под лопатку вонзилась раскаленная вилка для гриля. «Со всем нервы плохие стали», — подумал он. Конечно, они запросили очень мало денег у иностранца. За десять тысяч баксов можно похитить бомжа. В крайнем случае — какого-нибудь дохлого правозащитника. А такой бычара, пахнущий крепким потом, тянет как минимум на тридцатник. Еще чего доброго он сам их похитит и станет требовать выкуп у директора рынка.

Раскрылись створки лифта. Торопясь и толкаясь, они зашли в кабину, прислонили носилки к стене и, когда поехали вверх, с облегчением вздохнули.

— Что-то у меня на сердце нехорошо, — признался Ваха.

Алхаз, желая ободрить, стукнул Ваху в плечо.

— Что ты в самом деле! — Он вынул из кармана баллончик и потряс его. — Представь себе, что ты ирландский террорист.

Лифт остановился, створки раскрылись. Десятый этаж. Пустая площадка с кафельным полом. Неприятно гудят лампы дневного света. Ваха почему-то был уверен, что в тюрьме именно так гудят лампы.

Содержание

КОЛУМБИЙСКИЙ ДЕСАНТ. <i>Повесть</i>	5
СЕМЬ ЖЕЛАНИЙ. <i>Повесть</i>	209